

ГЛАВА 3.

Во время общественных обсуждений проблем туризма в странах третьего мира, доктор Юфа (тайский Информационный бюллетень развития за декабрь 1986 года), заявил, что проститутки привлекают большинство туристов, а деньги, которые они потратили в стране, являются их кредитом. Они спасают экономику от банкротства, и это действительно так. Журнал *Sereewat* (за июль 1983 года) приводит цифры, свидетельствующие об увеличении числа туристов. По их оценкам, число иностранных туристов в 1988 году превысило 4 миллиона 250 тысяч (новости туристического бизнеса за 1989 год).

Как отнестись к этой истории с мафией, рассказанной Тик? Прогнорировать ее? Проверить ее? Я не верила этому, но... что, если это было правдой? Мой проект мог находиться под угрозой срыва. Возможно, это было именно то, из-за чего Итан не хотела иметь дела со мной. Может быть, она что-то слышала о том, что я в черном списке мафии, и хотела избавить свою организацию от возможных проблем?

Пока паранойя не завладела мною полностью, я решила погрузиться в работу. На следующий день я пошла в супермаркет на Патпонг-2. Если кто-то искал меня, то будет лучше, что я пойду на Патпонг и покажусь в общественных местах.

Ничего не произошло. Я вышла из супермаркета Foodland с пакетами консервированной американской еды, французского сыра и тайских фруктов – и без единого подозрительного взгляда в мою сторону. Мой скептицизм по поводу честности Тик снова возрос. В ту ночь я уговорила себя на еще один поход на улицу.

Я искала Джека на углу, но не нашла его. Направляясь на Патпонг-1, я неторопливо прогуливалась по улице, выставя себя на показ. Я чувствовала себя словно под прицелом, дружелюбно общаясь с зазывалами, которые хотели завлечь меня на свое шоу. Когда швейцар из Firecat позвал меня, я ухватилась за этот шанс, чтобы остановиться и осмотреться вокруг.

– Вы правда американская цыпочка? – спросил невысокий человек примерно сорока лет, одетый в блестящий черный пиджак.

Тайцы из туристического бизнеса могли назвать американцем хоть немца, хоть шведа.

– Сам я из Лос-Анджелеса. Как дела? Меня зовут Чарли. Чу Чу Чарли меня называют. Приятно познакомиться.

Он говорил быстро и плавно, но с тяжелым тайским акцентом.

– Лос-Анджелес? А я из Нью-Йорка. Сколько времени вы жили там?

– Я уехал из Таиланда в пятнадцать лет. Вот вернулся несколько месяцев назад. Нелегка здесь жизнь. Не можешь заработать денег – и тайский народ не понимает тебя. Я слишком американец. Я скучаю по Штатам. А это место меня тяготит. Вы знаете Лос-Анджелес?

– Я жила там некоторое время.

Туристы и зазывалы суетились рядом, но никто мной особо не интересовался. У европейцев на уме были только тайские девушки, а присутствие Чарли рядом со мной не позволяло тайцам приставать ко мне. Никакие гангстеры не шпионили за мной из дверного проема.

– Вы знаете Whiskey-A-Go-Go? – спросил Чарли. – Там отличное место! Я припарковал там свою машину. Хорошо бы пропустить по виски. Вы знаете Джона Белуши и Кэти? Взрывные они люди. Мои хорошие друзья... Они далеко...

Чарли был болтун. Он молол языком, посматривая направо и налево, пытаясь раздавать флаеры, рекламирующие Firecat. Если бы кто-то взял флаер, то Чарли пригласил бы его в клуб. Но большинство прохожих игнорировали его. Чарли постоянно говорил и говорил, не ожидая ответа. У меня появилось время, чтобы осмотреться вокруг. Никакой мафии я не наблюдала. Никого похожего на итальянского вооруженного гангстера или его тайского двойника видно не было.

Когда я попрощалась с Чарли, мне полегчало. Никто не искал меня. Я доказала, что Тик – лгунья, а в процессе поиска повстречала дружелюбного человека на Патпонге. Теперь у меня был еще один контакт. Я нашла того, кто будет рад поболтать со мной по вечерам, и не будет требовать покупать ему за это выпивку. И к тому же с ним я не волновалась из-за того, что он слишком заманчиво привлекателен, как Джек.

Возвращаясь домой, я столкнулась и с Джеком на его углу.

– Ты родом из Бангкока? – спросила я его.

– Да, но далеко отсюда. Моя семья живет сейчас в резком спаде, там много бедных людей, у которых ничего нет.

– Я думаю, ты имеешь в виду трущобы?

– А я что сказал?

– Резкий спад.

– Ты помогаешь своим родителям деньгами?

– Конечно. Дети должны помогать матери.

– У тебя есть братья и сестры?

– У матери есть семь детей. Отец – второй муж матери. У меня есть два старших брата и две старших сестры от первого мужа матери. Он был богатым датчанином. Его дети не хотят видеть меня, потому что мой отец бедный и имеет черную кожу. Мать вышла замуж за моего отца после того, как датский муж умер. Одно время я работал на сводного брата механиком. Он относился ко мне только как к сотруднику. В прошлом году он прекратил разговаривать со мной. Если я звоню ему, он не отвечает на телефон.

– Твоя семья была бедной, когда ты был маленьким?

– Да, я родился во время кризиса. всю мою жизнь я должен был работать и зарабатывать деньги, чтобы поесть. Когда мне было пять лет, я продавал жевательную резинку на улице. Иногда мне хочется плакать. Иногда я чувствую, как подступают слезы, когда я иду по той дороге. А еще у меня болит здесь... как вы говорите...

– Аппендицит?

– Нет.

– Живот?

– Дырка, как это вы называете?

– Язва!

– Да. Я получил ее, потому что наша семья была настолько бедна, что мой живот всегда был пуст, пока я рос.

– Сколько тебе лет? – спросил он.

– М-м-м, двадцать семь, – солгала я, посмотрев ему в лицо.

Он смотрел на меня, но мыслями был где-то далеко.

– А сколько тебе лет?

– Двадцать пять. Мы идем сегодня пить кофе?

– М-м-м, нет, я должна идти домой.

Он снова пожал мне руку. Этот парень был слишком симпатичным, думала я. Мне пришлось соврать, чтобы он думал, что мы почти ровесники. Следовало сказать ему правду о моем возрасте и отпугнуть его.

Когда я вернулась домой, я создала файл базы данных для мужчин Патпонга. Туда вошел опасно красивый сутенер Джек с Патпонга-3; Чу Чу Чарли – зазывала Firecat, с бейджиком «№ 99». В графе Чарли, в разделе «разное», я написала: друг Джона Белуши.

Мне позвонил Сеймур, чтобы сообщить, что его жена дважды приходила ко мне с девушкой с Патпонга. Она хотела дать интервью, но оба раза меня не было дома. У консьержа в моем доме не было никаких записей о визитах ко мне. Бедный Сеймур, подумала я. В конце концов, если тайские подруги обходятся так с фарангами, то, возможно, Таиланд не такой уж и рай для западных мужчин. Неделью спустя Сеймур позвонил опять, чтобы сказать, что его жена вновь приходила, и была уже с другой девочкой, но меня снова не было. Я была уверена, что Сеймур верил всем этим рассказам. В то время как Тик якобы ходила на «работу», Сеймур оставался дома с детьми. Затем Сеймур позвонил снова, чтобы предупредить меня, что во второй половине дня его жена придет с девушкой. Тик приехала одна.

Она начала с того, что отказалась обсуждать свою собственную жизнь, которая была точно такой же, как у девушек с Патпонга.

– До Сеймура я была замужем пять лет с тайским мужчиной, – сказала она мне. – Я не люблю его. Моя мать устраивать этот брак. Я прятать свое лицо и чувствовать себя неудобно, когда ходить по улице с ним, потому что у него черная кожа. Я хочу развод. Я даю ему все, чтобы расторгнуть наш брак.

Я вспомнила, как Джек говорил, что его сводные братья и сестры отказались от него, потому что у его отца была черная кожа. Тайцы, казалось, классифицировали друг друга по оттенку кожи.

– Сколько денег ты предложила ему, чтобы расторгнуть брак? – спросила я.

– Пять миллионов долларов. Но теперь моя семья не доверяет мне деньги. Они опасаются, что я сделаю так же с Сеймуром. Поэтому я должна ждать, пока мне не исполнится тридцать, чтобы получить свои деньги.

Я надеялась, что запомню все, что она мне говорит, хотя многому и не верила. Пять миллионов долларов были приличным куском для отступных. Я не хотела делать заметки прямо перед нею в опасении, что она застесняется и прекратит свой рассказ.

– После развода с тайским мужем я работать на Патпонге, потому что я не хочу возвращаться домой. Когда я встречаться с Сеймуром, я прекратить работать. В первый раз с Сеймуром он

платить мне 500 батов, – произнесла она и громко засмеялась. – Я говорю всем своим подругам, что нужно работать на Патпонге, там легко найти мужа.

Ее глаза жадно бегали по комнате, изучая все вокруг. Что бы это могло значить?

Низкий уровень жизни Таиланда позволял мне жить здесь припеваючи. Гостиная тут была по размеру как двухкомнатная квартира на Манхэттене. Спальня тоже была большой, и балкон тянулся вдоль обеих комнат. Основная разница между тайской и американской экономическими системами – это то, что американцы тут могли позволить себе жить в роскоши.

– Это мой компьютер, – сказала я ей. – Так как ты и Сеймур ладили в начале?

– Сначала Сеймур пошел с другой девочкой. Потом он взял меня. Он захотел, чтобы я осталась с ним. Я спросила как надолго? Один, два месяца? Он пил слишком много тогда. Через год Сеймур предложил жениться. Он предложил не когда был пьян. Затем Сеймур уехал из Таиланда, а я вернулась на Патпонг. Я думаю, что тебе очень нравятся слоны, – вдруг, неожиданно сменив тему, сказала она.

– Я люблю слонов, – ответила я ей. Парчовые слоны висели вдоль стен, на столах стояли маленькие статуэтки слоников, отражаясь в зеркалах, а большие керамические слоны стояли прямо на полу.

– У тайского народа есть высказывание: женщина – задняя нога слона.

– А мужчина тогда что? Передняя что ль нога! – возмутилась я. – Это вульгарно. Я не хочу быть задней частью чего-либо. Гляди, у меня есть татуировка слона на ноге, – добавила я и подняла ногу. – Мне сделали ее в Индии во времена моих безрассудных дней.

Она посмотрела на нее с гримасой и сказала:

– В Таиланде только у преступника есть татуировка. Но ты фанг, фанги делают что хотят, и это не имеет значения.

– Так каким образом ты и Сеймур оказались вместе после того, как он уехал из Таиланда?

– Он приехал снова. Я сказала ему хорошо, мы с тобой поженимся. И мы пошли в посольство.

Тик встала, вышла на балкон и посмотрела вниз.

– Бассейн!

Я поняла, что она считает меня супербогатой. Я никогда не смогла бы убедить ее в том, что живу на кредит, взятый на образование.

– Но ты любила Сеймура? – спросила я.

– Долгое время, я хотеть бросить его, но моя подруга отговаривать меня. Она говорить, что я должна остаться ради ребенка. Ребенок мешать этому. Люди называть его

фарангом-донгом. Плохое прозвище, а еще у ребенка нет отца. Школа слишком дорогая, 20 тысяч батов за один год. Государственная школа стоит 5 тысяч батов. Школа монахов – 6 тысяч.

В этот момент я задалась вопросом, как же, интересно, Джек смог окончить школу и колледж.

– Иногда я очень сердита, – сказала Тик, – потому что Сеймур молчит. Я сходить сума. Ругаюсь бранными словами. Я говорить ему, «твое лицо как моя розовая щелка».

Наконец она предоставила мне счет, всего 889 батов, за девочек, у которых она якобы брала интервью, но чьи истории она забыла, потому что не делала записи.

– Ты давать мне деньги, я покупать магнитофон, – предложила она.

– Ну, я не уверена насчет магнитофона, – ответила я, подозревая, что она будет лишь слушать на нем музыку. Сколько я должна заплатить ей? Вначале я говорила про 500 батов в неделю плюс расходы. Но у меня не было желания платить ей в течение четырех недель, да еще плюс 889 батов за придуманные расходы. С другой стороны, она была единственной живой осведомительницей, проституткой Патпонга, которую я знала. Я дала ей тысячу батов (40\$), и позволила оставить сдачу. Она не возражала. Прежде, чем подойти к двери, она напомнила мне:

– Девочки не говорить с тобой. Они говорить со мной. Я делать хорошее интервью для тебя.

Не такая уж и плохая беседа, подумала я, когда она уехала. Пока память была свежа, я села и начала делать записи, вспомнив ее слова о лице, похожем на розовую щелку. Думал ли Сеймур о том, что получил хорошую сделку, женившись на Тик? Я удивлялась и задавалась вопросом, что чувствовали тайцы, когда фаранги брали в жены их женщин. Я спросила бы об этом Джека.

Тем вечером я отправилась в Foodland на Патпонг-2, желая пройтись по магазинам ночью и заодно порасспрашивать Джека.

– Оууу! – произнес он, увидев меня с грузом сумок с покупками.

– Я хочу спросить тебя о фарангах-мужчинах и тайских женщинах, – подойдя, сказала я ему.

– Да. Я беру фарангов в массажный салон. Купить дурнушку можно за 400 батов, хорошая женщина стоит 500 батов, красивая

750 батов. У салона есть договоренность со мной. Перепродажа фарангу дурнушки за тысячу батов, хорошенькая перепродается за 1 200 батов, а красивая за полторы тысячи. Дополнительные деньги – моя комиссия. Я прошу, чтобы фаранг купил девочку также и для меня, но мы не занимаемся любовью. Я даю ей сотню и отдыхаю.

Массажные салоны в Таиланде – это бордели с десятками и сотнями женщин, демонстрирующими себя за стеклянными окнами.

– О, гм... очень умно, – пробормотала я. Но он не ответил на вопрос, который я задала.

– Если фаранги не хотят идти в массажную комнату, то я могу привести девочку в отель, продолжил он. – За красивую – две тысячи батов, за обычную – тысяча.

– Но что ты думаешь о тайках, выходящих замуж за западных мужчин?

– Женщины с Патпонга – это очень плохо. Они очень грязные. Я никогда не пойду с такой женщиной.

– О-о...

Мы смотрели друг на друга в течение секунды. Потом я задалась вопросом, каких же женщин он любил.

– С кем же ты тогда пойдешь? С западными женщинами? Нет?

Значило ли это, что он никогда не спал с западной женщиной, или что ему не нравились и они?

– Итак, ты пойдешь только с тайскими женщинами?

Он потер кончики пальцев.

– Тайские женщины хотят, чтобы им платили.

Я знала, что тайское общество запрещает женщинам заниматься сексом вне брака. Следовательно, тайцы могли заняться сексом с проститутками. У меня было чувство, что Джек мне что-то недоговаривает.

– Ну ладно, мне надо идти. Увидимся в следующий раз.

– Подожди, мы же ходить сегодня для кофе.

– В следующий раз, я спешу.

Сеймур позвонил мне, чтобы сообщить, что Тик будет сегодня с женщиной, которая прежде работала над Патпонге, но теперь работает проституткой на грузовых судах. Но и в этот раз Тик пришла одна. На сей раз она вручила мне счет на 1 304 батов. Она должна была купить еду для женщин в доке, объяснила она. Я заплатила ей за это, но сказала, что денег у меня больше нет, и я жду, когда мне пришлют еще денег с кредита на образование. Она как будто проявила понимание и отказывалась принять деньги, но с ее губ

срывались какие-то недовольные нотки. Я расшифровала это как «спасибо, сучка».

Мне реально нужно было найти на Патпонге кого-то другого. И я вскоре нашла. Я встретила Дадли Дэполито. Для людей, желающих изучить тайский язык, школа А.У.А. предлагала уроки, которые назвались «Естественный подход», в котором студенты наблюдали, как два или три тайца разыгрывают легкие для понимания сценки, описывающие тайские обычаи. Это там я нашла Дадли, двадцатипятилетнего программиста из Нью-Джерси. Дадли был рыжим бородачом в очках. Ему нужно было найти друга, миссионера. На тайских курсах А.У.А. было полно миссионеров. Дадли и я встретились на балконе возле классов. Как и все те, кто слышал о моей работе, он немедленно предложил мне новую авантюру с какой-то проституткой Патпонга.

– Тебе надо встретиться с этой девицей в Queen's Castle, – сказал он.

У них у всех был кто-то, с кем мне следовало непременно пересечься.

– Я покупал ее в этом баре семь ночей подряд. Вдобавок к 325 батов в бар, я заплатил ей 500 сверху, которые она попросила, плюс сто батов чаевые. Я всегда даю им чаевые, просят они об этом или нет.

Мужчины-фаранги любили похвастаться женщинам-фарангам о своих сексуальных подвигах с тайскими девушками. Уехав из Штатов два месяца назад, Дадли Дэполито принялся удовлетворять свои желания на сексуальном рынке на всю катушку. В отличие от Запада, где они не так часто посещали проституток, в Таиланде мужчины-фаранги очень быстро начинали воспринимать эту страну как площадку для сексуальных приключений. Они пересчитывали свои сексуальные победы, становясь на этом поприще рыцарями в доспехах, рыцарями, которые поддерживают не только самих девочек, но и их семьи, а иногда даже целую деревню в провинции.

Раздраженная манипуляциями Тик, я ухватилась за этот шанс услышать о Патпонге от кого-то, у кого не было причины обмануть меня. Возможно, я смогу понять Патпонг через его клиентов. Раньше истории о походе «рыцарей-фарангов» мне казались только неприятными.

– Почему бы тебе не прийти ко мне домой и не рассказать о ней? – предложила я.

Он горячо согласился и последовал за мной. Когда мы шли через парк Лумпини, из него полился такой поток словесного поноса, что

мне пришлось его немного тормознуть. Он не стал возражать, когда я спросила, могу ли делать заметки.

– Стой, стой, – сказала я. – Не говори пока ничего, сейчас я достану ручку. Как только мы расположились на диване, я включила кондиционер, и он начал.

– Первый секс с нею был сенсационным. Она была живой и интересной. Во второй раз это было уже не так интересно, и с каждым разом становилось все хуже и хуже. Мы даже брали в аренду комнату для таких встреч на четыре часа, но оставались там только на два. Она всегда торопила меня, спрашивая: «ты кончил?» Она всегда просила дополнительные деньги и подарки. Однажды она сказала, что больна и ей нужно еще 800 батов.

– И ты дал ей?

– Ну конечно. Мне было ее жалко, да и что такое для меня эти 800 батов? У этих людей нет ничего, ты же знаешь. Это так печально. Однажды ночью она уговорила меня на покупку леди-боя (катоя), ее друга из бара. Они взяли меня с собой и повели в несколько дорогих клубов. Когда дело дошло до секса, она сказала «поторописька, иначе мы можем уходить и делать что-то еще». Однажды она сказала, что ей нужны деньги для ребенка.

– Ты дал ей?

– Да, тысячу батов. Послушай, эти люди действительно очень бедны. Ты понимаешь, что тут вообще кругом ужасная бедность? Она поддерживает свою мать, живущую за городом, и благодаря ей два ее брата ходят в школу. У них нет электричества и водопровода. Но послушай еще вот что: когда она просит у меня еще один подарок, то говорит, что завтра я не должен буду давать ей чаевые. Но на следующий день, как бы то ни было, она, конечно же, снова просит их. Когда я напомнил ей об этом, она умоляла меня и говорила, что для ее ребенка нужны деньги на еду. Поэтому я дал ей дополнительные 500 батов. Она сказала, чтобы я всегда давал чаевые, просит она об этом или нет. Она обещала как-нибудь показать мне своего ребенка.

Я торопилась записывать, сожалела, что не изучала стенографию.

– Между тем мой друг как-то рассказывал мне, что девочки часто АРЕНДУЮТ младенцев, чтобы обмануть фарангов и взять побольше денег. Ты можешь в это поверить? Тогда я решил больше не встречаться с ней, но она приехала ко мне сама. В конце концов, я заставил ее признаться, что у нее никогда не было ребенка.

Изредка бросая взгляд в свои записи, я слушала, как Дадли рассказывал о свиданиях и трудностях, связанных с ними. Обалдев-

ший от доступности хорошеньких таечек, Дадли перепробовал все – «секс с массажем», «секс в парикмахерской», «секс пока тебя бреют», «секс с девочками в японском баре» и даже однажды позволил за 100 батов отсосать ему прямо в переулке.

– Но только этот минет обошелся мне дороже 100 батов. Это оказалась вовсе не женщина, а катой, который после этого ограбил меня вместе со своими дружочками. Я не мог поверить, что пал так низко.

Вскоре все страницы в тетрадке были исписаны, очень много страниц, и мне потребовалось немало времени, чтобы занести всю эту информацию в компьютер. Я поблагодарила Дадли за помощь, сказав, что была бы очень признательна, если бы он продолжал мне рассказывать о том, как у него идут дела. Он расхаживал по квартире, как петух по окрестностям, показывая свое кукареку. Его легко ограбили, но это не портило в его глазах имидж сильного мужчины, имеющего право сексуально забавляться.

Прежде чем я успела напечатать половину всего, что рассказал мне Дадли, позвонил Сеймур, чтобы сказать, что приедет Тик с девушкой, которая работает в «Писы-шоу». Тик снова приехала одна. Она рассказывала о своей беседе с «женщиной-писой».

– Я говорю ей, выходи замуж за фаранга, а затем бросай его, – процитировала она, и, как обычно, вручила мне счет за расходы.

После успехов с Дадли Дэполито, Джеком и Чу Чу Чарли, мне уже совсем не хотелось заниматься этим непродуктивным информатором. Я заплатила ей, а затем сказала:

– Я больше не могу себе позволить платить тебе, поэтому не надо больше брать другие интервью.

Я все же не хотела разрывать отношения полностью.

– Возможно, в следующем месяце мы снова сможем сотрудничать, – добавила я. – После того, как я получу свой студенческий кредит.

– Сеймур говорит, что ты получаешь деньги в ноябре.

– Ах, да... Надеюсь, что я точно их получу.

Она поймала меня на лжи. Я надеялась, что она не будет больше меня спрашивать, сколько я плачу за аренду жилья. Но только мне стоило об этом подумать, как она опять спросила меня об этом. Я говорила разным людям разные суммы. Арендная плата была невероятно высока для тайца, хотя она составляла всего лишь треть моей арендной платы в Нью-Йорке. Тайцы удавились бы, узнав сумму, даже если бы я поделила ее пополам, поэтому каждый раз я понижала ее, если меня кто-нибудь об этом спрашивал. Все мы были немного лгунами.